

Как и в прошлый раз, Шан Сижуй, не обращая внимания на знакомых и незнакомых, кланялся и здоровался с любителями оперы, а затем, терпеливо снося их поддразнивания, с жадностью ел мясо. Чэн Фэнтай знал Шан Сижую уже больше года, но только сегодня почувствовал, что тот наконец стал относиться к нему как к близкому человеку. Раньше, каждый раз, когда они обедали вне дома, Шан Сижуй, несмотря на большой аппетит, вёл себя очень аккуратно, стараясь сохранить свой имидж и не стать объектом насмешек. Сегодня же он отбросил всякую сдержанность, и его стремление к еде стало почти звериным. Увидев кусок мяса, его глаза загорелись, а острые белые зубы блеснули. Чэн Фэнтай за столом уступал ему, даже невольно подкладывал ему еду и наливал суп, опасаясь, что тот проглотит палочки для еды. С улыбкой он сказал:

— Господин Шан, помедленнее, второй господин не будет с тобой соперничать, всё твоё. Серьёзно. Если не хватит, закажем ещё.

Остальные посетители лапшичной, казалось, привыкли к этой скрытой стороне Шан Сижую. Он ел с невероятной скоростью, но они всё равно не оставляли его в покое, окружая и подшучивая над ним.

— Господин Шан! Знаешь, мне больше всего нравится твоя роль воина! Это сила! Твой Чжао Цзылун в «Чанбанпо» — это нечто! Ты так ловко хватаешь плащ, а после боя флаги на твоём костюме остаются идеально ровными! Это просто восхитительно!

Тот парень, смакуя воспоминания, покачал головой, полный восхищения. Чэн Фэнтай понимал его чувства — он сам, проучившись два года в университете, с трудом находил слова, чтобы описать игру Шан Сижую. Эти простые работяги и вовсе не могли выразить свои эмоции, ограничиваясь громкими возгласами одобрения.

— Ты просто как настоящий Чжао Цзылун! Господин Шан!

Шан Сижуй, подняв голову, улыбнулся тому парню, но его рот был полон еды, и он не мог ответить.

— Господин Шан! Думаю, тебе всё-таки стоит вернуться в театр. Эти западные театры не подходят для нашей пекинской оперы.

Шан Сижуй, с трудом проглотив еду, спросил:

— Почему?

И сразу же начал жадно есть лапшу.

— Ну... Мне кажется, там не так весело. В театре можно есть, пить чай, щёлкать семечки и вместе аплодировать — вот это атмосфера!

Кто-то рядом согласился:

— Точно! Билеты в театр дороже, а охранники ещё и придираются к нашей одежде — если штаны закатаны, не пускают!

— И если сидишь далеко, то не видно твоих движений!

— Ты не должен петь только для чиновников и богачей в Большом театре Цинфэн, господин Шан! Думай о нас! Мы тебя действительно поддерживаем!

Шан Сижуй и сам так считал, и, услышав мнение зрителей, кивнул:

— Верно!

Но, говоря это, он случайно выплюнул кусок лапши на стол. Его лицо покраснело. Все, чтобы не смущать его, сделали вид, что ничего не заметили. Как они и говорили, их поддержка была искренней, проявляясь во всём, даже в таких мелочах, и отличалась от отношения чиновников и богачей, которые видели в Шан Сижуне лишь символ статуса.

Шан Сижуй, проглотив еду, сказал:

— Я об этом думал. Я ведь не перестал петь в театрах! Каждый понедельник, среду и пятницу я выступаю, это неизменно! Просто новые пьесы я туда не беру.

— Почему, господин Шан! Нам очень нравятся твои новые пьесы, они такие интересные!

Шан Сижуй честно ответил:

— Если я буду петь новые пьесы, на меня могут вылить кипяток.

Один из парней, разозлившись, ударил по столу:

— Кто посмел сорвать твой спектакль, господин Шан! Назови имя! Мы его хорошенько проучим!

— Да, господин Шан! Тот, кто вылил на тебя кипяток, — настоящий ублюдок, мы не такие! Господин Шан! Ты не должен страдать из-за них! Правда, ребята?

Окружающие шумно поддержали.

Чэн Фэнтай не выдержал и вставил:

— Господин Шан, ты же говорил, что будешь петь новые пьесы, несмотря на кипяток?

Шан Сижуй ответил:

— Именно. Я не боюсь пуль, а уж кипятка и подавно.

Все подумали, что это правда — не зря даже командующий Цао не смог с ним справиться, он действительно крут!

— Я боюсь за свои костюмы!

С горечью сказал Шан Сижуй.

— Сколько нарядов выдержат, если их облить кипятком? Я даже не рискую брать свои лучшие костюмы в театр, оставляю их в западном театре, но там зрители их плохо видят.

Он мягко улыбнулся:

— Это действительно сложно.

Все вместе похвалили новые пьесы Шан Сижуйа и поругали тех, кто устраивал беспорядки. Обсуждая, они так и не придумали реального решения. Один из мужчин громко крикнул, чтобы перекрыть шум, и уверенно заявил:

— Господин Шан! Не бойся и не переживай! Отныне, если кто-то посмеет устроить беспорядки или помешать твоему выступлению, мы его сразу же изобьём! Пусть боятся, и тогда никто не посмеет!

Все согласились, что это хорошая идея, и начали наперебой выражать свою преданность:

— Верно! Если они могут нападать на тебя, то и мы можем на них!

— Мы не из театра и не из Терема Водных Облаков, так что любые проблемы будут на нас! Мы просто поддерживаем тебя!

Шан Сижуй мягко покачал головой и усмехнулся, не сказав ни «спасибо», ни «не надо», что выглядело как молчаливое согласие. Чэн Фэнтай, наблюдая за ним в последнее время, понял, что Шан Сижуй был именно таким человеком — он никогда не скрывал свои проблемы, а если кто-то спрашивал о его трудностях, он честно рассказывал. Если люди предлагали помощь, он не отказывался, думая, что лишние хлопоты ни к чему. Если же они ничего не предлагали, он не намекал и не подталкивал их к действиям. Так он вёл себя и с зрителями, и с коллегами из Терема Водных Облаков. Он был искренним, и многие хотели его защитить. Женщины из Терема Водных Облаков, конечно, не исключение, но даже случайные зрители, восхищаясь им, готовы были пойти ради него на всё. Их защита была настолько активной, что иногда приводила к инцидентам, как, например, когда начальник департамента Чжоу использовал свою власть, чтобы задержать нарушителей, что только вредило репутации Шан Сижуйа и порождало слухи о «театральном тиране». Некоторые, более проницательные, даже считали, что Шан Сижуй был хитрым человеком, который всегда ставил других вперёд, а сам оставался в стороне.

Чэн Фэнтай считал, что все эти обвинения были заслуженными. Хотя Шан Сижуй и не намеренно подстрекал, его отказ скрывать проблемы приводил к таким результатам, что и порождало слухи о «тиране» и «стороннем наблюдателе». Когда возникали проблемы, Шан Сижуй пытался их уладить, но было уже поздно.

Шан Сижуй не стал возражать, и все ещё больше утвердились в мысли о силовом решении.

Пока они спорили, он доел лапшу и тушёное мясо, вытер рот и сказал:

— Благодарю вас, друзья! Я обязательно буду чаще выступать в театрах. Но и Большой театр Цинфэн я тоже не могу бросить. Честно говоря, в Тереме Водных Облаков много людей, но мало звёзд, и всё держится на мне. А Большой театр приносит больше дохода. Если я уйду, то не смогу содержать всю труппу.

Это была правда. Большая часть доходов Шан Сижую шла на поддержку Терема Водных Облаков, и огромная труппа, из-за плохого управления, стала для него обузой. Чэн Фэнтай подумал, что, учитывая их известность, никто не поверит, что они бедны, и могут подумать, что Шан Сижуй хитрит. Однако все присутствующие поверили и кивнули:

— Большие труппы — это всегда сложно. Видно, что ты не управленец. Не умеешь считать деньги, вот и не хватает. Ну, выступай где хочешь, главное, чтобы мы могли тебя слышать!

Шан Сижуй молча улыбнулся, благодарный за понимание.

Они проговорили до часу дня, так и не добравшись до Тяньцяо. Выйдя из лапшичной, Шан Сижуй схватил Чэн Фэнтая за руку и быстро пошёл вперёд, чтобы больше ничего не мешало, и наконец перед ними открылся вид на Тяньцяо.

<http://bllate.org/book/15435/1368582>